

31 июля (13 августа)

Мученик Максим Румянцев

Мученик Максим родился около 1860-го года в деревне Вандышки Дюпихской волости Кинешемского уезда Костромской губернии¹ в семье крестьян Ивана Степановича и его супруги Анны Ильиничны Румянцевых. Вандышки, где проживало тогда двенадцать семей, была небольшой зажиточной деревней на реке Волге у окраины большого промышленного города Кинешмы. В конце XIX века рядом с деревней были построены крупная ткацкая фабрика Петра Севрюгова и лесохимический завод Дмитрия Кирпичникова. После смерти одного из родителей Максим ушел странствовать. Где и как странствовал Максим – неизвестно, но, вернувшись через много лет на родину, он знал большую часть службы церковной наизусть, хотя оставался неграмотен; во время странствий он принял подвиг юродства, который не оставил до самой кончины.

Вернувшись в родную деревню, рядом с которой вырос целый фабричный городок с производственными корпусами и общежитиями, Максим Иванович жил то у брата Егора Ивановича и его супруги Елизаветы Григорьевны в баньке, то в благочестивом семействе Андрея Васильевича и его супруги Екатерины Васильевны Груздевых, почитавших блаженного за прозорливость, то у Ивана Ильича Кочёрина, ставшего впоследствии церковным старостой, и его супруги Аграфены Ильиничны, а то где придется, куда Бог приведет.

Ходил Максим Иванович круглый год босиком и в одних и тех же, надетых одна на другую, рубахах. Если кто-нибудь дарил ему сапоги, то он совал в них бумагу, чтобы неудобно было ходить, а потом все равно кому-нибудь отдавал. В бане никогда не мылся, а как войдет в баню в грязных рубашках, в тех же самых рубашках и выйдет.

В деревне многие, особенно поначалу, смеялись над ним, и мальчишки, бывало, бросали в него камнями. Но благодушно все это переносил блаженный, помня, что все подвизающиеся за Христа гонимы будут.

К тому времени, когда он поселился в деревне после многолетнего подвига странничества и юродства, Господь начал открывать ему Свою волю о других людях.

Уныние и грусть овладели Андреем Груздевым, когда пришла ему пора идти на войну 1914 года.

– Прощай, Максим Иванович, может, не вернусь, – сказал он, подойдя к юродивому.

– *До свидания, сладкий барин,* – ответил Максим Иванович.

Многие чудеса, совершившиеся по молитвам блаженного, видел Андрей, и потому не осталось у него сомнения: вернется живым. И вернулся.

Дочь его, Веру, родившуюся в 1911 году, Максим Иванович называл Христовой невестой. «Верно, ты, Вера, замуж не выйдешь», – говорила ей мать. И действительно, она осталась девицей.

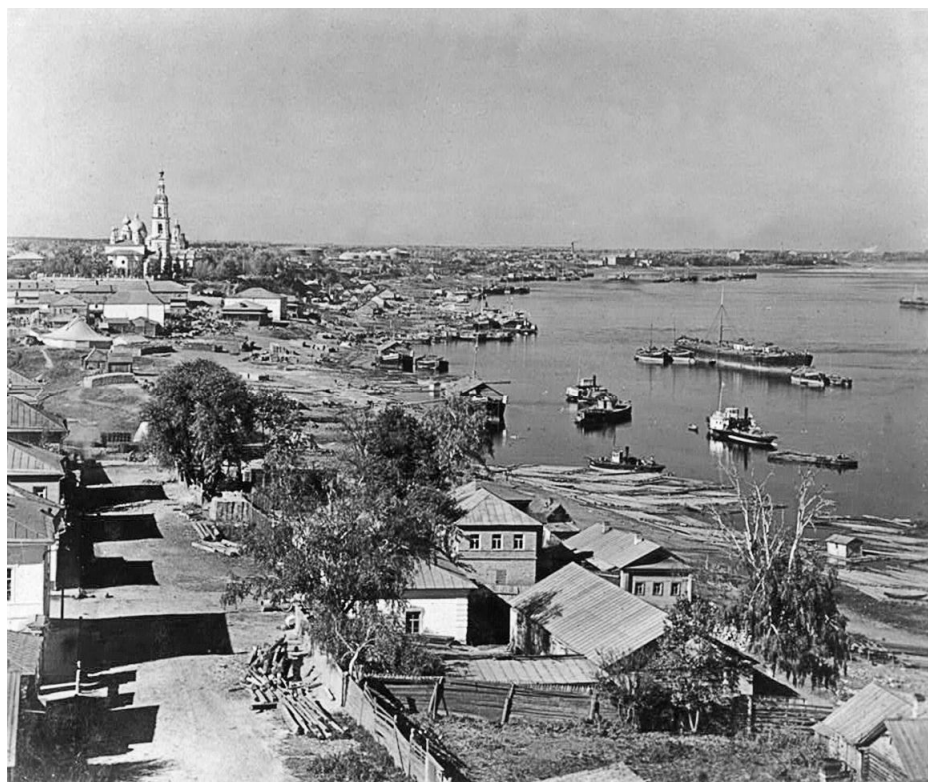
Младшей дочери Груздевых, Варваре, родившейся в 1919 году, Максим Иванович, когда та была девочкой, частенько говаривал:

– Николай, давай закурим. Николай, давай закурим.

А то возьмет да вдруг начнет бегать, приговаривая:

– За мной кто-то бежит. Я спрячусь в сарай. За мной кто-то бежит. Спрячусь под стол.

Объяснилось все через много лет, уже после смерти Максима Ивановича, когда она вышла замуж за Николая, и муж, когда бывал пьян, преследовал ее, так что она не знала, куда от него укрыться.

Кинешма. Фото 1910 года

В октябре 1918 года на Максима Ивановича в первый раз, по-видимому, обратила внимание советская власть. Вандышевский комитет бедноты в ответ на запрос о не занимающихся личным трудом писал в Дюпихский волостной совет, что в деревне таких людей нет, «за исключением Малоумнова Максима Ивановича Румянцева».

Максим Иванович никогда не говорил человеку прямо, а всегда как бы о себе. Пришел как-то к нему священник Григорий Аверин^а, и блаженный сказал:

– Вот Максима Ивановича скоро заберут. Скоро заберут – да это ничего. Умрет Максим, и прилетит соловей, но не сядет на могилку и не пропоет.

Через некоторое время отец Григорий был арестован, расстрелян в концлагере и погребен в общей безвестной могиле.

Если и говорил блаженный о событиях прямо, то лишь тогда, когда иначе было нельзя.

Как-то сидел Иван Кочёрин со своими друзьями на завалинке. И Максим Иванович тут же. Вдруг посреди разговора Максим Иванович говорит:

– Вот, дымок пошел.

Но никто не обратил на это внимания. Максим Иванович через некоторое время настойчивее произнес:

– Дымит. Дымит.

Но опять никто на его слова не обратил внимания, и тогда Максим Иванович уже в голос закричал:

– Да пожар же!

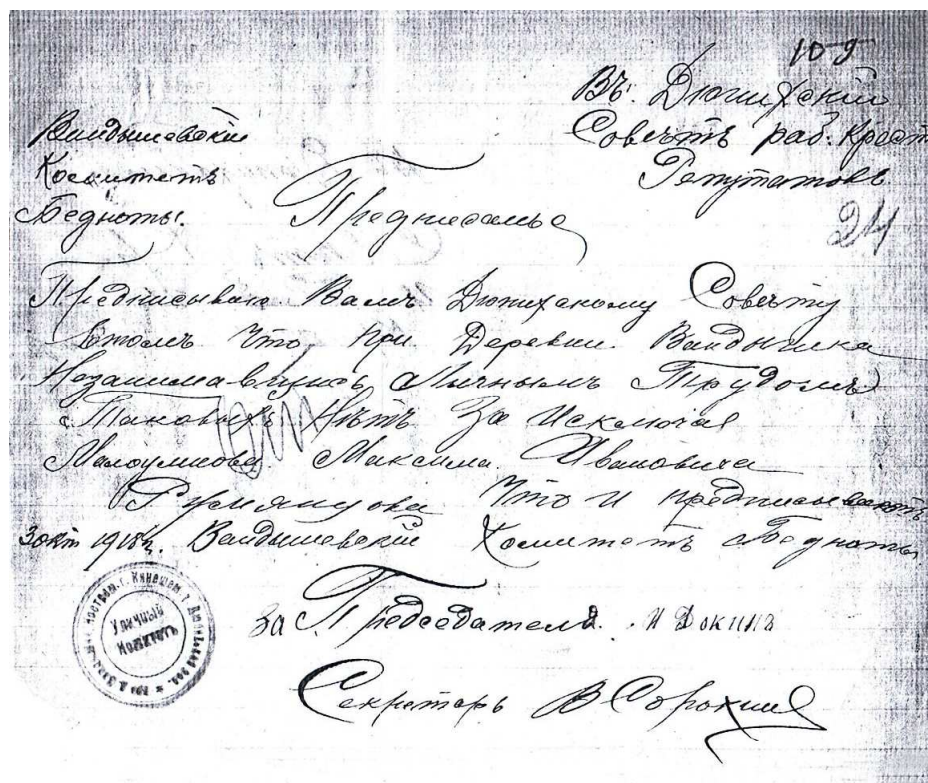
Тут все вскочили. Забежали за дом. И точно. За домом полыхало гумно.

Обмануть или скрыть что-нибудь от Максима Ивановича было невозможно.

Однажды, когда блаженный жил у Груздевых, хозяйка дома, Екатерина Васильевна, испытывая недостаток в хлебе, взяла у него из мешка, который он хранил на печи,

^а Священномученик Григорий Аверин; память 7/20 сентября

сухарей. «Я немного возьму, не узнает Максим», — решила она.

Но Максим Иванович, как вошел в избу, схватился за голову и закричал:

– Заворовали! Заворовали! Житья у вас нет. Заворовали!

Пришлось ей все рассказать.

Как-то пришла к Максиму Ивановичу Ольга Добрякова, с нею женщина передала для блаженного сверток. Ольга отдала Максиму Ивановичу два свертка и не стала говорить, какой от кого, посчитав это неважным.

Но иначе на это смотрел блаженный.

– Это – твое, – сказал он, – а это с тобой передали.

– Прости меня, Максим Иванович, – встрепенулась Ольга.

– Прости, прости, – проговорил блаженный, – хорошо еще, что ты созналась, а то соврут и не сознаются.

В другой раз, когда она собралась уходить, он сказал:

– Ты оставайся, а то люди злые...

Не послушалась она и пошла. Нужно было идти глухим местом. И видит Ольга – стоят мужики и намерения у них недобрые. Бросилась она бежать. Мужики – за ней. Она бежит изо всех сил, а они нагоняют, и все отчетливей их топот, уже прямо за спиной слышится. И взмолилась Ольга к блаженному Максиму о помощи. И слышит – стих звук погони, ее перестали преследовать. Едва живой от страха добралась она до общежития, где жила.

Ольга никогда не рассказывала блаженному подробностей о своей жизни в общежитии, где у нее не было ни кровати, ни постели, она спала на полу.

Максим Иванович сам ей как-то сказал: «Вот развалятся, как баре, на кроватях, а у меня – пальто под голову и под себя».

Пальто это вскоре украли, о чем ей блаженный сказал: «Вот какие злые люди, пальтушку украли. Но ты не расстраивайся».

Вскоре Ольга нашла на земле деньги, которых как раз хватило на покупку нового

пальто.

Бывало, что Максим Иванович ни к кому не шел ночевать, а садился со своим мешком посреди улицы и сидел здесь по нескольку дней. Однажды зимой он просидел так почти неделю. И одна женщина сжалась над ним:

– Максим Иванович, так же нельзя.

– Конечно, нельзя, – кротко ответил блаженный, но не сдвинулся с места.

Женщина пошла домой, истопила баню и пришла уговаривать блаженного.

– Максим Иванович, пошли, я уже и баню специально для тебя истопила.

– Ну, давай салазки, накладывай на них мешок, – согласился он.

Она пришла с салазками, положила на них мешок блаженного и попробовала везти. Но салазки с места не стронулись. Попробовала еще. Не может их сдвинуть.

– Максим Иванович, не идут что-то салазки.

– Не идут, – покачал он головой и сам легонько подтолкнул салазки, и сразу они сдвинулись и легко пошли.

Однажды, когда блаженный жил у Груздевых, он начал с самого утра петь заупокойные стихиры и пел их почти весь день. Хозяйка слушала, думая, когда же он кончит, и, наконец, спросила:

– Что ты все заупокойные стихиры поешь?

Ничего не ответил блаженный, продолжая петь, а через некоторое время, кончив, сказал:

– Ну, теперь все. Отпето. Опускайте в могилу.

Вскоре приехали из Кинешемского Успенского монастыря и сказали, что в монастыре умерла монахиня.

Как-то еще до начала гонений блаженный, проходя мимо Кинешемского монастыря, сказал:

– Подушки-то, подушки какие! Разве это монахини? Всё разлетится. Всё.

В начале 1920-х годов монастырь был закрыт, и в его зданиях разместилась следственная тюрьма.

Сердце Максима Ивановича не прилеплялось ни к чему земному; деньги он презирал, а если ему их давали, то он потрет их, потрет да и бросит или сунет куда-нибудь.

Однажды прибежала к Максиму Ивановичу соседка Груздевых:

– Максим Иванович, ведь у нас землю-то отнимают!

– Ну и что? – невозмутимо ответил блаженный. – Тебе жалко, что ли?

– Да как не жалко? Конечно, жалко.

– Ах ты, жалко, – покачал головой блаженный, – да ты возьми в карман землю-то и ходи, раз тебе жалко^b.

Многие, видя, какую жизнь проводит блаженный, говорили ему:

– Максим Иванович, ты уже спасен, ты уже в Царстве Небесном.

– А кто это знает: в Царстве ли? – ответит блаженный, глянет на образ Пресвятой Богородицы. – Царица Небесная! – воскликнет, и слезы сами собой бегут по щекам.

^b Крестьяне Вандышек неоднократно судились за землю. То со своим бывшим помещиком, известным благотворителем Кинешмы Всеволодом Александровичем Пазухиным, чье имя носит городская библиотека: иск от имени крестьян подписывал старший брат блаженного Максима, Григорий Иванович, то между собой, то с соседним селом Ищеином в 1923 г. Общественную землю крестьяне частично сдавали в аренду фабричным для возведения построек, а на полученные деньги покупали сельскохозяйственную технику. В 1927 г. в районной газете появилась статья, где крестьян Вандышек критиковали за зажиточную жизнь, обвиняя их в том, что они превратились в коллективного кулака и живут так же, как и до революции. Впоследствии власти провели коллективизацию и организовали в Вандышках и Ищеине колхоз «7 лет смерти Ленина».

Максим Иванович Румянцев

Зная некоторые богослужения на память, он пел, например, на Пасху вместе со всеми в храме. Сядет затем дома после службы напротив окон и радуется.

– Смотри, – скажет хозяйке, – ангельская душенька, как солнышко играет.

А сам смотрит не на солнце, а на святые иконы.

Секретарем деревенского комитета бедноты был в то время Василий Петрович Сорокин, ставший впоследствии первым председателем местного колхоза, а сын его, Владимир, был трактористом. Оба они не любили блаженного и писали на него доносы в ОГПУ, чтобы его арестовали.

И, наконец, зимой 1928 года к дому, где жил тогда Максим Иванович, подъехали сани с возницей-милиционером.

Случившийся тут Андрей Груздев спросил:

– За что вы его арестовываете?

– Да нам не жалко, – ответил милиционер, – он нам не мешает, но на него уже третье заявление подано, чтобы его арестовать. Так что собирайся, Максим Иванович, поехали.

Собрать Максиму Ивановичу было особенно нечего, никакого имущества у него давно не было, сел он в сани, и они отправились. По дороге им встретилась женщина. Узнав блаженного, она спросила:

– Куда это ты, Максим Иванович, поехал?

– К Царю на обед, – ответил блаженный.

В кинешемской тюрьме Максима Ивановича подвергли жестоким мучениям, попеременно держа то в жаре, то в холоде. Но недолго он здесь пробыл и был переведен

в другую тюрьму; очевидцы его кончины рассказывали, что блаженный Максим умер как великий праведник².

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.2»

Тверь. 2016. С. 353-361

Примечания

¹ В 1959 г. деревня была включена в черту города Кинешмы Ивановской области.

² Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1996. Кн. 2. С. 265–271.